

С трудом, переваливаясь с ноги на ногу, Гена поднялся на первый этаж. Взгляд его остановился на обшарпанном почтовом ящике.

Из приоткрытой дверцы торчал треугольник белоснежного конверта. Дрожащими руками он достал его, открыл, пробежался глазами по буквам, остановился на фразе: «Вы зачислены в литературный инсти...»

Внезапно кто-то сзади хлопнул его по плечу:

– Чего не здороваешься?

Гена вздрогнул и развернулся. Перед ним стоял дядя Саша, сосед, а заодно и управдом. Мать Гены то ли от тоски, то ли от недостатка внимания часто приглашала его на чай.

Гена уже хотел было пройти мимо соседа, но тот перегородил ему дорогу:

– Чего не здороваешься, говорю.

– Как я мог с вами поздороваться, у меня на спине глаз нет, – ответил Гена раздражённо. Он крепко держал в руке письмо, боясь, что оно выпадет из рук.

– Ишь, – захохотал дядя Саша, разглядывая Гену. – Со старшими здороваться надо. Плохо тебя мать воспитывала, плохо, а ей всегда говорил, ремнём надо, а она... – он состряпал на лице гримасу. – «Жалко...» А мне вот не жалко было своих лупить!

– То-то они теперь у вас алкаши и в тюрьме сидят, – выпалил Гена.

– Алкаши не алкаши, зато крепко на ногах стоят, не то, что некоторые, – кивнул сосед в его сторону. – Из ЖЭУ прислали? – покосился он на письмо.

– Да, – ответил Гена и попытался спрятать конверт за спину. Из-за волнения руки его не слушались.

– Ну и много задолжали? – не отставал сосед.

– Мне надо идти, – ответил Гена.

– Ишь, какой важный, идти ему надо...

Гена схватился руками за перила и медленно стал подниматься на свой этаж. Дядя Саша смотрел ему вслед своим недобрым, ухмыляющимся

взглядом, будто бы приговаривая: «Ничего из тебя не выйдет путного». От этих навязчивых мыслей, Гена чуть не споткнулся.

Дома, узнав новость уже с порога, мать закричала:

– Ты что, сдурел? Куда ты собрался? Какой лингвиститут?

Худая, взлохмаченная, она выглядела жалко.

– Что там делать будешь, в Москве, Генушка?

Это обращение к себе Гена терпеть не мог.

– Какой я тебе Генушка, мам, что ты с порога начинаешь, дай хоть раздеться.

Мать пригладила волосы, нервно вытерла руки о халат и достала что-то со шкафа.

– Тебе квоту на операцию прислали сегодня заказным письмом, – сказала она с придыханием, – понимаешь, оперировать будут, Генушка! Понимаешь? – снова повторила она и сунула ему под нос конверт.

Гена положил его на пол, придвинул костылём к себе табурет, с трудом сел и принялся стягивать с ноги сапог. Под пристальным взглядом матери он хотел сделать это ловко, но не получалось: ноги отекли от долгой ходьбы.

– Дай помогу, – сказала мать и стала вырывать у него из рук сапог. – Ты зачем это конверт на пол положил?

– Дай передохнуть, – рассердился Гена, – уже голова от тебя болит!

Мать, не выпуская сапог, отчаянно дёргала его за ногу.

– Ты даже сапог не можешь снять, не то что в Москве жить, – сокрушалась она.

Но, увидев страдальческое лицо сына, отстранилась.

– Послушай, – она развернула его за плечи. – Я тоже хотела стать актрисой в детстве. А потом вышла замуж, потом ты родился, с большими ножками... И отец от нас ушёл... Генушка, как ты не понимаешь!

– Я помню эту историю, мама... Но я – не ты.

Каждый вечер эта худенькая женщина выходила на улицу кормить стаю кошек. Они сбегались к ней, едва слышав хлюпанье её калош. Гена почему-то стыдился этого ритуала, он знал: во дворе её считают немного тронутой. Но мать, называя кошек «божьи душеньки», снова бежала во двор, ничуть не заботясь о своей репутации.

И вот сейчас при воспоминании об этом Гене стало жаль её. «Разве о такой жизни она мечтала?» – подумал он.

Мать между тем ушла на кухню и там разрыдалась.

Гене стало совестно. Он посмотрел на свой вальявшийся стянутый сапог, снова надел его и вышел на улицу. Там он открыл конверт. В письме было сказано, что времени до сдачи анализов оставалось всего ничего. И нужно было что-то решать. Гена вздохнул. Мимо него с хохотом промчались мальчишки на велосипедах...

На последние деньги Гена поймал такси и поехал в редакцию литературного журнала, где работал его знакомый – Афанасий Петрович, который в своё время и посоветовал ему поступать в литературный институт.

Редакция недавно переместилась из светлого офиса в центре на окраину города. Оказавшись на месте, Гена все никак не мог понять, где входная дверь. На фасаде громоздилась вывеска «Альфа-банк», на другой стороне располагался салон красоты. С трудом обойдя здание, он заметил полуподвальное помещение. Наверное, здесь.

В подвале пахло затхлостью. Гена поморщил нос. Он часто ходил в городскую библиотеку, где стоял такой же запах. Он пошёл по коридору. Двери располагались близко друг к другу: туристическое агентство «Райский отдых», юридические услуги «На честном слове», ООО «Всё для праздника»... «И как они тут обходятся без окон?» – подумал Гена.

В самом конце располагалась дверь с надписью «Главный редактор журнала „Литературный мир“». Гена вошёл.

Перед ним сидел худой старик в потёртом пиджаке. Стол его был завален бумагами, а на стенах висели вырезки из газет, дипломы в рамках, картины. Окошко всё же было, правда, крохотное. На потолке висела яркая люстра, а на столе стояли аж три настольные лампы.

После серого коридора Гена будто попал в отдел по продаже светильников...

– Генка, проходи, дорогой, – обрадовался редактор, – какими судьбами? Видишь, куда нас поселили... Ладно хоть освещение хорошее.

Гена пожал ему руку.

– Можете меня поздравить, Афанасий Петрович...

– Поступил?

– Поступил!

– Молодец. Что решил-то? Мать что сказала? Да ты садись, в ногах правды нет, – подвинул к нему стул редактор.

– Точно, – пробормотал Гена и, оставив костыли, сел.

– Естественно, мать против, – продолжил Гена. – Да и как я её оставлю? Сосед возле неё крутится, ну я вам рассказывал. Хочет, видимо, из своей десятиметровой комнаты в нашу трёшку перебраться...

– А-а-а, – протянул Афанасий Петрович. – Это тот, который якобы в Афгане воевал?

– Ага, он... – хмыкнул Гена. – Сегодня ещё и другое письмо мне пришло, – глаза Гены забегали. – Бывает же такое, Афанасий Петрович, два важных письма, да ещё и в один день – квота на операцию. Правда, никакой гарантии... – вздохнул он.

– М-да, – протянул редактор.

За окном заворковал голубь. Афанасий Петрович смахнул со стола хлебные крошки, подошёл к окну и высыпал их в кормушку.

– Смотри, прилетают к нам иногда, – произнёс он задумчиво.

– Я к вам за советом и пришёл, – громко сказал Гена.

– А ты-то сам чего хочешь? Какой совет нужен? – будто очнувшись, спросил Афанасий Петрович.

– Я не знаю, стоит ли мне вообще мечтать о писательстве. Мать говорит, что это неблагоприятное дело, что проще мне рабочую профессию получить, да и работать как инвалид.... Мне иногда обувь самостоятельно снять тяжело...

Гена вспомнил сегодняшний случай с сапогом.

– И надо ли мне это всё?

– Ты хочешь быть писателем?

– Да.

– Послушай, Геннадий, давай я расскажу, почему я стал писателем, – начал редактор. – Я рос без отца. У матери нас было трое, отчим нас не любил. Ласки всегда не хватало, я злился и на мать, и на отчима, и на жизнь. А потом как-то представил: вот буду известным, мать будет мной гордиться, отчима прогонит, поймёт, что я хороший, – он посмеялся сам над собой, покачал головой и продолжил. – В итоге поступил в литературный институт, тогда это было престижно. Уже после окончания я написал повесть о мальчике, который всю жизнь мечтал найти своего отца и которому не хватало его любви. Однажды в редакцию пришёл мужчина, расплакался и сказал, что он мой отец, книгу мою прочёл.

– Вот это да... – удивился Гена.

– Так я узнал, что мать моя в своё время убежала от него к любовнику, к моему злющему отчиму, что отец искал нас, но не нашёл, тяжёлое время было. Наверное, тогда я понял, что не зря шёл к своей цели – стать писателем. Кстати, мать моего таланта не оценила... – старик вздохнул, смахнул пыль с края стола. – Теперь я здесь, в маленькой комнатухе, издаю литературный журнал, получаю небольшие деньги, но я счастлив. Счастлив, что живу в своём мирке, что сохранил для себя что-то важное в этих стенах.

Редактор, выйдя из-за стола, стал расхаживать туда-сюда с задумчивым видом.

– Что тебя здесь держит кроме матери? Девушка, может, у тебя есть?

– Нет, но нравилась одна. В детстве мать меня боялась отпускать во двор, думала, обижать будут. Когда она была на работе, я туда сбегал тайком. Хотя в моем случае «сбегал» звучит странно, – улыбнулся Гена. – Однажды увидел, как пацан девчонку донимает, она даже плакать начала. Я встал кое-как, подошёл и говорю ему: «Если ты её будешь обижать, я тебя сейчас костылём стукну, понял?» Он опешил, а у меня сердце застучало, подумал – он сейчас толкнёт, и всё... А он отошёл. И вот так я с девчонкой той подружился, с Аллой. Мы с ней в карты играли, во всякие настольные игры. Потом стали и другие дети с нами играть. Если кто-то меня начинал дразнить, Алла говорила: «Он сейчас как даст вам костылём по голове, голова расколется!»

Всё это время редактор смотрел на Гену внимательно, после Аллиных слов улыбнулся. Он налил Гене чай и поставил перед ним чашку.

Гена продолжил:

– Но мать потом отобрала у меня ключи, и стал я снова дома сидеть... Алла однажды меня в окне увидела, руками замахала, а я спрятался за занавеску. Конечно, когда мне стукнуло пятнадцать, я взбунтовался, поругался с мамой! И заставил её дать мне ключи. Снова стал выходить. Но уже один сидел на скамейке. Как-то Алла ко мне подошла и спросила: «Ты где пропадал?» У меня ком к горлу подступил, я ответил: «Алла, видишь, я больной, мне надо дома быть, потому я выхожу редко». Она ещё что-то говорила, я отвернулся и молчал... Она посидела и ушла. И знаете, я так разозлился на себя, я вот именно тогда себя неполноценным человеком почувствовал, подумал даже, что не зря меня отец бросил, как только узнал, что я инвалид...

Гена схватил чашку с чаем, его руки задрожали, и он чуть было не опрокинул её на себя.

– Может быть, и ты когда-то напишешь повесть, как страдает человек, вынужденный видеть мир через окно, может быть, Алла прочтёт об этом... – внезапно отозвался редактор.

– А как же операция?

– Послушай, Горький вон тоже писателем был, но не учился в литинституте...

Гена молчал. Ему почему-то казалось, что Афанасий Петрович должен был знать ответ на его вопрос: что делать. Но он не знал.

Они попрощались. Гена решил добраться до дома самостоятельно. На улице лил дождь. Гена шёл сквозь него, опираясь на костыли, и злился на всех – на мать, дядю Сашу, редактора и даже на Аллу. И зачем она вообще была в его жизни?

Вода стекала за воротник, и Гене было неприятно ощущать мокрый свитер, касающийся спины. К его удивлению, ноги больше не ныли, только в голове что-то пульсировало. Он встал посреди улицы и закрыл глаза. Будто чёрный дракон поселился у него внутри. Он ел его мозг и обжигал череп огнём. Всё завертелось, закружилось...

Очнулся он от резкого запаха нашатырного спирта.

– Давай, мой хороший, вставай, – приговаривала женщина в белом халате. – Что с тобой случилось-то?

Гена удивлённо посмотрел на неё, оглянулся. Во круг стояли люди.

– Со мной такое случается, у меня внутричерепное давление, забыл таблетку выпить, – пробурчал он. – Я домой пойду, тут недалеко.

– Нет, дорогой мой, позвони кому-нибудь, чтобы тебя забрали, – покачала головой врач.

Гена приподнялся и сел на скамейку, набрал телефон матери.

Врач переписала данные его паспорта, измерила давление, сделала ЭКГ.

– Теперь распишитесь, – сказала она.

Гена расписался и тут увидел, как к ним подъехал автомобиль.

– Алла, – ахнул Гена, увидев соседку. Он знал, что она давно уехала из города и долго не появлялась здесь.

Мать подбежала к нему.

– Генушка, живой! Я уже подумала, что тебя живым не увижу, – запричитала она.

– Я знаю, мам, что ты всегда веришь в лучшее, – улыбнулся Гена.

Алла подошла к ним. Когда-то она была хрупкой маленькой девочкой, и теперь, казалось, осталась такой же, только стала выше.

– Смотрю, тетя Лена по двору мечется, сразу поняла – что-то не так. Ну и к ней. А она: «Сын на улице сознание потерял».

– Спасибо, – сказал Гена, вставая и отряхиваясь.

– Ну что, поехали, – обратилась Алла к матери. – Видите, с ним всё в порядке.

Они сели в машину.

– Тетя Лена, вы вот не знаете, наверное, а вашего сына все в нашем дворе уважали очень, когда он мальчишкой был. Вы чего его не выпускали к нам?

Мать посмотрела на Гену.

– Вы бы смеялись над ним...

– А вот и нет. Он однажды уже показал нам, кто он. Я даже мужу рассказывала... Приходи сегодня к нам в гости на ужин, – обратилась она к Гене. Или опять не придёшь, в четырёх стенах будешь сидеть? – она остановила машину возле дома и строго посмотрела на него.

– Приду, – пожал плечами Гена.

***

Вечером мать заметно нервничала. Она увидела, как Гена тщательно проглаживает рубашку утюгом, и сказала:

– Ты ещё галстук надень...

– Не начинай, мам! – со вздохом отозвался Гена.

– Ну и что ты к этой красотке собрался, Генушка? Влюбишься ещё, а у неё муж... Не нравится мне, что она свой нос суёт куда не просят.

– А тебе мам, кто-нибудь нравится, кроме дяди Саши? И вообще, запомни, я не твоя вещь. Иди кошек покорми, – в сердцах выпалил он. И тут же пожалел о сказанном.

– Ты как это своё письмо получил, так стал каким-то странным... – тихо ответила она.

Мать ушла на кухню и вышла оттуда с пакетом объедков. Она сунула худые ноги в калоши и отправилась на улицу кормить своих подопечных.

***

У Аллы и её мужа была небольшая светлая квартира. Повсюду стояли антикварные вещицы, а в углу располагался отреставрированный комод.

– А мы такой только недавно выбросили... – сказал Гена. – К матери наш управдом зашёл и говорит: «Что это вы копите всякую дрянь». Прихожу домой как-то раз, а комода нет. А ведь это память была о прапрабабушке-блокаднице, – взгрустнул он.

– Так это ваш и есть, мы его просто покрасили, – отозвалась Алла. – Смотрю, дядя Саша с сыном его на помойку тащат, подбежала, говорю: «Не могли бы вы к нам его затащить», а он: «Пятьсот рублей». Вот так и договорились. Противный этот управдом, конечно...

– Вот-вот, и с матери пятьсот рублей взял за вынос комода, – сердито сказал Гена. – А кто это у вас рисует? – оглядел он стены.

– Это мои работы, – ответил муж Аллы. – Что скажете?

– В живописи не разбираюсь, я пишу прозу, – ответил Гена. – Но ваши картины мне понравились. Вы тут вдвоём живёте? – поинтересовался он. – Детей пока нет?

– Вдвоём, – ответил муж Аллы. – С тех пор, как теща умерла.

– Твоя мама умерла? – обратился Гена к Алле.

– Да, мы переехали сюда, как только узнали, что она болеет. Рак. Неудачная операция.

Гена вспомнил энергичную и жизнерадостную мать Аллы, и ему стало не по себе.

– А я живу рядом и ничего не знаю, да и мать моя ходячая, а ничего не знает, ты, прости, Алла, – замаялся он.

– Ты тоже ходячий, да ещё и зрячий, – рассмеялась она и стала расставлять на стол фарфоровые чашки.

– Мне операция светит. Уже скоро. Или смогу лучше ходить, или...

– Ты лучше расскажи нам, над чем сейчас работаешь?

– Пишу рассказ о том, как эльф сражается с драконом, – улыбнулся Гена.

– Как интересно! И кто побеждает?

– Я дам потом почитать... Пусть это будет интригой.

Они беседовали до поздней ночи. Алла рассказала о своей работе тренера. Оказывается, она была гимнасткой, но из-за травмы ей пришлось покинуть большой спорт.

– Ты заходи к нам, – сказала Алла, провожая его до двери. – К нам нечасто приходят писатели, ты в следующий раз почитай что-нибудь, мы послушаем...

***

Мать сидела возле окна. Она отрешённо смотрела куда-то.

– Что опять, мам? – устало спросил Гена.

– Ген, наш управдом всех кошек во дворе отравил, – безучастно ответила она. – Так мне и сказал: «За чистоту бороться надо...»

Гена подошёл и обнял её.

– Никто не выжил, – продолжала она. – Это какой-то дорогой яд.

– Сволочь он...

Гена начал вытирать её слёзы. Обычно сухая кожа на лице стала будто маслянистой, он никак не мог убрать влагу с её щек. Сам он никогда не плакал.

***

Гена никак не мог уснуть. Выхода было всего два. Остаться тут, прооперироваться и ждать, или ехать. Ноги болели нещадно, голова тоже. Москва показала ему громадным драконом, который вот-вот проглотит его. Гена вспомнил прапрабабушку. Она выжила в ленинградской блокаде. Ведь спаслась же сама и спасла детей! Так неужели он, её внук Генка, испугается какой-то там Москвы? Он подумал о редакторе. О чём он может писать, сидя в своей каморке на окраине города? Разве он счастлив? И разве счастлива Алла, у мужа которой только изредка продаются картины? «Да. Они счастливы», – ответил он сам на свой вопрос. Потому что им нужно делать выбор.

***

Утром он позвонил Алле:

– Привет. Алла, извини, вчера я не решился задать тебе вопрос...

– Какой?

– Я бы так хотел уехать отсюда, учиться... Помнишь, я рассказывал про литинститут, но эта операция, мать... Не знаю, как поступить.

– Ген, я стояла в больнице у реанимации. Врач вышел и сказал: «У вашей матери отёк мозга, кома, вегетативное состояние может длиться долго, – она выдержала паузу. – А ещё, что надежды нет, и я должна принять решение, отключать ли кислород».

– А ты?

– А я подумала, что это будет верным решением, и ответила, что можно отключать. Выключить жизнь... Это так больно, – она снова замолчала. – И до сих пор я не знаю, правильно ли я поступила, понимаешь?

– Ты прости, Алла, – сказал Гена.

– Попробуй позвонить в институт, узнать – можно ли взять академический отпуск. Это всё, что я могу тебе посоветовать, – ответила Алла.

***

После операции Гена попросил мать привести в больницу ноутбук. Он писал по чуть-чуть каждый день. Возвращался снова к написанному и стирал большие куски текста.

– К сожалению, всё останется как прежде, – сказал ему на осмотре врач.

Гена сник.

– Но ходить-то я буду?

– Будете, как и ходили, вообще я бы рекомендовал вам плавание, вы говорили, у вас спина болит.

Гену выписали через неделю. На следующий день к нему пришла Алла.

– Зачем ты здесь? – грубо спросил Гена.

– Затем, что я твой друг.

– У меня нет друзей.

– Ты стал рассуждать как твоя мать...

– А тебе что?

– Знаешь, я такой человек – привыкла быть благодарной другим. Ты меня однажды защитил, теперь уж будь любезен быть моим другом, – выпалила она.

– Извини, просто мне сейчас тяжело. Я надеялся на то, что после операции смогу нормально ходить...

– Понимаю. Но никто не давал гарантий. Что сказали в институте?

– Дали академ до следующего года...

– Вот видишь... Пишешь что-нибудь?

– Пишу. Всякую ересь.

– Покажи.

Гена протянул ей кипу листов.

– Заберу почитать?

– Забирай. Ты можешь мне помочь?

– Могу.

– Подскажи, куда я могу записаться на плавание?

– У нас во дворце спорта есть секция для инвалидов.

– Отлично, – Гена посмотрел на неё с надеждой. – А возьмут?

– Главное – желание, – ответила Алла. – Приходи в пятницу на день открытых дверей.

***

В огромном зале бассейна поначалу он чувствовал себя неуютно. Тренер часто ругал его, если что-то не получалось. Вначале ему вообще показалось, что все эти его старания бессмысленны. В воде он то не мог задерживать дыхание, то неправильно двигал ногами. Но со временем Гена стал показывать неплохие результаты, и похвалы от тренера стало больше.

На занятия к нему пришла Алла.

– Скоро соревнования, – сказал ей Гена, когда они вышли из зала.

– Ну не подведи, – положила ему на плечо руку Алла. – Ген, как твоя мама, давно её не видела.

– Она меня и сюда не хотела пускать... Мне вообще кажется, что она всё время думает, что у меня

ничего не получится. Но я пошёл... Вот так мне всю жизнь приходится идти против неё... Что за чёрт?

– Когда-то и мне пришлось идти против мнения врачей, они говорили, что мне и тренером не стоит быть. Вроде как травма была вообще несовместима с любыми нагрузками. А мама твоя тревожится просто, чего ты хотел? Сама всю жизнь с работы – домой, никакого личного счастья.

– Ты знаешь, я уже никак не мог её переломить, ну насчет того, что я хочу писателем стать, потом пригласил к нам Афанасия Петровича – это главный редактор «Литературного мира». И они прямо заворковали. Кажется, у них что-то складывается...

– Так и думала, что тёте Лене нужен кто-то не от мира сего. Ты уж не обижайся, просто интуиция. Хорошо, что дядя Саша от неё отстал. Говорят, сейчас окучивает другую нашу соседку... С трёхкомнатной квартирой. Даже есть успехи...

– Ну да, – засмеялся Гена, – у него же сын недавно из тюрьмы вышел.

– Ага, слышала, соседи в шоке... Ген, я твою вещь прочла про дракона и эльфа. По-моему, замечательно...

– Да, я уже её дописал. Теперь отдал Афанасию Петровичу на редакцию.

– Что будешь потом делать?

– Не знаю, наверное, отправлю в издательство. Афанасий Петрович подсказал куда. И ещё, Алла, знаешь, когда я впервые пришёл в бассейн, мне было так страшно... Что не получится ничего. Я понял одну вещь – мне всегда надо быть первым... Откуда это во мне?

– Надеюсь, сейчас ты хотя бы не думаешь, что первое место займёшь?

– Я снова сделал всё, чтобы его занять... Кажется, что я занимался больше, чем другие ребята. Ещё я понял: мне ужасно хочется доказать матери, что я не слабак, только не получается пока... А ещё... Мне понравилась одна девушка с плавания.

– А вот это уже интересно. Насчет твоего стремления – Ген, мне тоже всегда хотелось победить, но не получалось... До тех пор, пока не отпустила эту мысль. Это не значит, что перестала работать. Просто отпустила мысль. Главное тут – понять, что делаешь это не для матери, а для себя.

***

Холодная вода больше не пугала Гену. Ещё полгода назад он не мог себя заставить нырнуть, а сегодня стоял на бортике в ожидании команды. Свистнул свисток. Гена поплыл... Он изо всех сил старался плыть быстрее. И уже ни о чём другом не думал.

Когда все приплыли к финалу, жюри объявило результаты. Гена пришёл четвёртым.

Мать выбежала навстречу и обняла его.

– А я думала, что ты не сможешь, Генушка!

– Я пока ничего особого и не смог, – улыбнулся Гена.

К ним подошла Алла.

– У вас сын перфекционист, – подмигнула она. Они поехали домой. У подъезда их ждал Афанасий Петрович. С тех пор как мать начала с ним общаться, она стала спокойнее, заметил Гена.

– Как проплыл?

– Как обычно, пришёл четвёртым, – засмеялся Гена.

– Ну ничего, а я отредактировал твою повесть, вот принёс.

Он протянул Гене рукопись.

– Ну и насочинял ты там...

– Что, совсем плохо?

– Наоборот, для издательства самое то.

Мать пригласила всех пойти попить чаю. Они вошли в подъезд. Навстречу им попался пьяный вдрызг дядя Саша, он тащил за шкуру серого кота, который истошно кричал.

– Расплодила тут химеру, – заорал он, как только увидел мать Гены.

Гена подлетел к нему:

– А ну пусти кота!

– Чего? – выпучил на него глаза сосед.

– Кота, говорю, пусти, – закричал Гена, – а то получишь!

Он схватил свой костыль и чуть было не огрел им по голове дядю Сашу.

Мать зажмурилась. Дядя Саша оторопел и выпустил кота.

– А ну пошёл отсюда! – заорал на него Гена.

И дядя Саша быстро побежал вверх по лестнице.

– Я сейчас полицию позову, ах вы черти!

– Зови, мы всем домом на тебя заявление напишем, – прокричала ему вслед Алла.

Серый кот забился в угол. Гена схватил его на руки.

– Мам, давай его возьмём, – предложил он.

***

Когда вошли в квартиру, кота Гена опустил на пол.

– Ну что, это твой новый дом, иди, котик, – командовал он.

Кот, осторожно ступая, начал обследовать новое жилище.

– Назовём его Эльфом, смотри, какие уши оттопыренные, – сказала мать. – Уж больно мне этот герой в твоей повести понравился, – подмигнула она сыну.

– Ты читала? – удивился Гена.

– Да, Афанасий Петрович мне показал.

– Сговорились, – хмыкнул Гена.

Он отправился в свою комнату переодеться. Из-за двери доносились голоса близких ему людей.

– А это мы Гену крестили, – показывала мать фотографии Афанасию Петровичу.

– А это первый класс, – тихим голосом говорила она. – Я его в школу отвела, туда мой бывший муж пришёл. Увидел Гена его и расплакался. Не могли его остановить.

– А зачем он пришёл? Он же бросил вас? – спрашивал Афанасий Петрович.

Гена прислушался.

– Он пьяный пришёл, подошёл к Генке и говорит: «Я твой папа, ты разве ещё не ходишь нормально, я думал, ты бегаешь?» А Гена к нему руки потянул, хотел что-то сказать, а этот развернулся и ушёл... Я стою, слёзы ему рукавом вытираю... Все на нас смотрят...

Гена внезапно вспомнил этот эпизод. Стоит он в толпе здоровых мальчишек и девчонок, а мать утешает его...

***

Когда гости разошлись, Гена помог матери убрать со стола. Он положил остатки еды в крышку от банки и поставил её Эльфу. Они вместе стали смотреть, как кот ест. Эльф снова дрожал, но теперь уже от удовольствия.

– А завтра, мама, ты сможешь приготовить такие же вкусные пироги? – спросил Гена.

– А что будет завтра? – тревожно спросила мать.

– Ко мне придёт девушка, – смущённо ответил он.

Мать улыбнулась:

– Конечно, Гена.